

Андрей Букрин

Голос за
кадром

Андрей Букрин

Голос за кадром

<https://litres.ru/74133732>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лос-Анджелес, 1994 год. Эпоха аудиокассет, бунтующего гранжа и неоновых огней Сансет-Стрип. Лили Кинг — девятнадцатилетняя дочь легендарной кантри-певицы Додди Вэнс и знаменитого писателя Томаса Кинга. Но вместо того чтобы пользоваться благами родительской славы, она прячет великую фамилию и пытается пробиться сама. В её руках — лишь мамина старая гитара Gibson и честный, разрывающий душу голос. На последние сбережения Лили арендует полуподвальную студию на окраине города. Её хозяин, замкнутый звукорежиссер Джулиан Коул, давно разочаровался в глянцево-шоу-бизнесе и не верит калифорнийским куклам. Но когда ночной шторм полностью отключает электричество, они остаются заперты в абсолютной темноте студийного лофта. Эта ночь откровенных разговоров, переросшая во множество последующих ночей страсти и поддержки, изменит всё. Джулиан станет для неё не просто продюсером, а той самой редкой близкой душой.

Андрей Букрин

Голос за кадром

Глава 1. Ночная сессия

Лос-Анджелес в ноябре не был похож на открытку. Вместо солнечных пляжей и загорелых серферов город встретил Лили Кинг удушливым смогом, глухими пробками на бульваре Санта-Моника и затяжным калифорнийским ливнем, который превратил пальмы в унылые мокрые метелки.

Лили было девятнадцать, и в её жилах текла гремучая смесь из нью-йоркской упрямости отца и южного темперамента матери. От Додди ей достались платиновые локоны, уложенные крупными волнами в стиле старого Голливуда, и те самые зеленые глаза, которые сейчас с тревогой всматривались в темные окна старого кирпичного здания на окраине города.

В руках она сжимала потрепанный чехол с маминой легендарной гитарой *Gibson* и пластиковую коробку с демо-кассетой. Это были её последние сбережения — деньги, которых хватило ровно на три часа аренды в студии «Blackout».

— Ну же, Лили, ты сможешь, — прошептала она себе под нос, поправила воротник кожаной куртки и толкнула тяжелую железную дверь.

Внутри студии царил полумрак, разбавляемый лишь туск-

лым сиянием ламп на огромном аналоговом пульте *Solid State Logic*. Пахло остывшим кофе, дорогим табаком и нагретыми лампами усилителей. На полу змеились толстые черные кабели.

За пультом, лениво откинувшись в кожаном кресле, сидел мужчина. Ему было около тридцати. На нем была простая черная футболка и потертые джинсы. Внимательные, почти черные глаза смотрели на экран аудиоредактора, а на шею висели массивные наушники.

Его звали Джулиан Коул. О его замкнутом характере и гениальном слухе в музыкальных кругах Лос-Анджелеса ходили легенды. Джулиан не работал с поп-звездами из телевизора. Он искал «живой нерв» и соглашался записывать только тех, в ком видел настоящую искру.

— Вы опоздали на четыре минуты, — не оборачиваясь, произнес Джулиан. Его голос был низким, сухим и абсолютно равнодушным. — Ваше время уже пошло, мисс Кинг.

Лили стиснула зубы, проходя к стеклянной перегородке вокальной кабины.

— Дождь залил автостраду, мистер Коул. Но я готова.

— Все готовы, пока не загорится красная лампа, — Джулиан наконец повернулся и окинул её оценивающим взглядом. На его лице не отразилось ни единой эмоции при виде её яркой внешности. Для него она была просто очередной амбициозной девчонкой, мечтающей о славе. — Что поем?

Поп-балладу для радио? Или попробуем изобразить гранж? Сейчас все косят под Курта Кобейна.

— Мы поем мою песню, — твердо ответила Лили, доставая гитару. — И мне не нужно ни под кого косить.

Она зашла в кабину, надела наушники и встала перед тяжелым студийным микрофоном *Neumann*. Через стекло она видела, как Джулиан лениво щелкнул тумблером. Над её головой вспыхнула ярко-красная надпись: **RECORD**.

— Я слушаю, — донеслось в наушниках.

Лили закрыла глаза. Она вспомнила рассказы отца о том, как её мама когда-то пела в прокуренном баре Теннесси, не боясь никого вокруг. Лили коснулась струн. По студии поплыл тягучий, современный, но пропитанный классическим блюзовым духом мотив.

И когда она запела, Джулиан Коул медленно выпрямился в своем кресле.

Её голос не был похож на сладкие голоса из хит-парадов 90-х. В нем была глубина, легкая, завораживающая хрипотца и тот самый осязаемый, фамильный «нерв» семьи Кинг. Она пела о ночном городе, о беглецах, о дожде, который смывает фальшивые маски. Это было нео-кантри, смешанное с дерзким калифорнийским роком.

Джулиан положил руки на пульт. Его пальцы, до этого вяло перебиравшие фейдеры, теперь двигались с ювелирной точностью, выстраивая идеальный баланс звука. Он смотрел на Лили сквозь стекло, и в его глазах впервые за вечер по-

явился хищный, профессиональный и чисто мужской интерес. Он понял, что перед ним не просто красивая кукла. Перед ним стояла стихия.

Вдруг, прямо посреди второго куплета, за окном грохнул оглушительный раскат грома. Молния ударила где-то совсем рядом.

Свет в студии мгновенно погас.

Красная лампа «RECORD» затухла. Вентиляторы пульта замолчали, и всё здание погрузилось в абсолютную, плотную темноту, нарушаемую лишь бешеным стуком капель по крыше.

— Черт, — приглушенно выругался Джулиан в темноте аппаратной. — Вылетели пробки.

Лили в своей кабине сняла наушники. Сердце бешено колотилось. Она сделала шаг наощупь, открыла стеклянную дверь и вышла в общую комнату.

— Мистер Коул? Вы здесь? — тихо спросила она.

— Здесь, — раздался его голос совсем рядом. В темноте вспыхнул крошечный огонек — Джулиан зажег старую бензиновую зажигалку *Zippo*.

Слабый янтарный свет выхватил его лицо — резкие скулы, взъерошенные темные волосы и взгляд, который теперь был устремлен прямо на неё. Они стояли в метре друг от друга посреди обесточенной, отрезанной от мира студии, а калифорнийский ливень за стеной только набирал силу.

Глава 2. Тени на аналоговом пульте

Джулиан дотянулся до угла стола и зажёл толстую парафиновую свечу в жестяной банке из-под табака. Дрожащий язычок пламени выхватил из темноты массивные очертания пульта, колонки-мониторы и силуэт Лили, застывшей у стеклянной перегородки. В полумраке её платиновые локоны казались отлитыми из серебра.

— Садись, Кинг, — Джулиан кивнул на свободное гостевое кресло и сам опустился на пол прямо у пульта, вытянув длинные ноги. — Аварийная бригада в такой ливень приедет в лучшем случае к утру. Твои три часа аренды официально превращаются в ночной безлимит. Бесплатно.

Лили аккуратно поставила мамину гитару у стены и присела в кресло, поджав под себя ноги. Кожаная куртка тихо зашуршала.

— Ты всегда такой дружелюбный, Коул? — с легкой иронией спросила она, разглядывая его в тусклом свете свечи. — Или это эксклюзивный сервис для тех, у кого из-за грозы стораёт демо-запись?

— Я дружелюбен только с теми, кто умеет петь, — Джулиан поднял на неё глаза, и в их глубине больше не было того холодного безразличия, с которым он встретил её у порога. — Твой голос... в нем есть то, чего я не слышал в этом чертовом городе года три. В нем нет фальши. Где ты набралась этой тоски в девятнадцать лет? В Малибу?

Лили грустно усмехнулась, опустив взгляд на свои пальцы.

— В Малибу легко быть счастливым на камеру, Джулиан. Но каково это — расти в доме, где на стенах висят тридцать золотых пластинок твоей матери, а в кабинете отца стоят полки с романами, получившими Пулитцеровскую премию? Весь мир смотрит на моих родителей как на богов, сошедших с винила пятидесятых. А на меня смотрят как на приложение к ним. «О, это же дочка той самой Додди Вэнс!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.